

Марина и Сергей Дяченко

Трон

*Часть сборника
Эмма и Сфинкс (сборник)*

Марина и Сергей Дяченко

Трон

«Автор»

1998

Дяченко М.

Трон / М. Дяченко — «Автор», 1998

«В тот день судьба ее круто изменилась. Во второй раз. Впрочем, осознать это ей предстояло много, много спустя. В тот день директриса пансиона призвала Элизу к себе и с наигранной веселостью, сообщила потрясающую, с ее точки зрения, новость: директорат привилегированной школы Трон счел возможным зачислить Элизу в число учениц. Со значительной скидкой в оплате – потому что сиротского пособия, разумеется, не хватило бы...»

© Дяченко М., 1998

© Автор, 1998

Марина и Сергей Дяченко

Трон

В тот день судьба ее круто изменилась. Во второй раз. Впрочем, осознать это ей предстояло много, много спустя.

В тот день директриса пансиона призвала Элизу к себе и с наигранной веселостью, сообщила потрясающую, с ее точки зрения, новость: директорат привилегированной школы Трон счел возможным зачислить Элизу в число учениц. Со значительной скидкой в оплате – потому что сиротского пособия, разумеется, не хватило бы.

Наверное, директриса ждала от Элизы какой-нибудь реакции. Возможно, следовало покраснеть, или глупо захихикать, или прижать ладони к щекам; Элиза выслушала новость равнодушно. Из холодной спальни на четверых, где она худо-бедно притерпелась к соседкам, из пансиона, где ей было не то чтобы хорошо, но по крайней мере привычно – из всего этого серенького, но устоявшегося мирка предстояло шагнуть в новую пустоту.

Она не верила в перемены к лучшему. С того дня, когда самолет компании «Эо», с виду совершенный, как птица, а на деле тяжелый и беспомощный, как все самолеты с отказавшими моторами – со дня, когда лайнер, выполняющий рейс одиннадцать ноль пять, рухнул, едва успев взлететь... С тех самых пор все перемены в мире потеряли смысл. Потому что того единственного, что стоило бы поменять – не изменить никогда.

Директрисе было не очень приятно, что ее скромным, но честным пансионом пренебрегли; с другой стороны, Трон чрезвычайно редко снисходит до обыкновенных девочек, ибо сказочные условия обучения сочетаются там с чрезвычайно жестоким отбором. Сообщая об этом Элизе, уважаемая дама позволила себе мечтательную нотку. Казалось, пригласи ее сейчас неведомый «директорат» – и тучная чиновница радостно вступила бы в ряды привилегированных учениц.

Элиза поблагодарила. Она не понимала, как директорат Трона вообще снизошел до рассмотрения ее кандидатуры – школьный опекунский совет, помнится, направлял прошение только в один пансион не допуская и мысли о каких-либо супершколах...

Директриса пояснила: в Трон, оказывается, поступают копии прошений из ВСЕХ пансионов – такова традиция. Но, разумеется, нормальной средней девочке все равно не на что надеяться, разве только на безумный случай, вот как, например, этот...

Элиза поблагодарила снова. Поклонилась, поблагодарила в третий раз и пошла собирать вещи.

* * *

Нельзя сказать, чтоб бегущие за окном поля совсем не интересовали ее. Нет, она поглядывала, и иногда даже с интересом, на дома под красными крышами и зеленые склоны, запятнанные рябыми коровьими спинами. Порой ей вспоминалась другая поездка: красный клетчатый чемодан на багажной полке, плотный солнечный луч на дорожном столике, мама глядит в окно, куда-то указывает пальцем...

Элиза молчала всю дорогу. Попутчики поглядывали на нее со слабым, в прожилках равнодушия, удивлением.

Красный клетчатый чемодан... От него ничего не осталось. Ни лоскутка.

* * *

Оцепенение оставило ее, когда выяснилось, что на остров Трон нельзя добраться иначе, кроме как на вертолете. Она не просто боялась всего, что летает – она уверена была, что неуклюжая машина обязательно грохнется в море. Путешествие, во время которого обычная девочка повизгивала бы от страха и восторга, оказалось мучительными до тошноты; неловко выбираясь на твердую землю, Элиза мельком подумала, что теперь ей придется провести на острове всю жизнь. Потому что на обратный путь не хватит мужества.

Ее куда-то вели, сперва по гравию, потом по траве, потом по узкой аллее, где из-за самшитовых кустов выглядывали зеленые абажуры садовых фонарей. В какой-то миг провожатый чуть сильнее сдвинул ее руку – Элиза вздрогнула и подняла голову.

Ей показалось было, что широченная лестница, похожая на гофрированное шоссе, ведет к подножию огромного пустого кресла – каменного трона высотой с корабельную сосну.

Но, присмотревшись, она поняла, что ошиблась. Окруженный тонкими коричневатыми стволами, перед ней стоял массивный – и богатый, издали видать – особняк.

* * *

Тук, тук, тук. Глухие удары мячика о стену вот уже третье утро будили Элизу задолго до подъема. Даниэлла, ее соседка по комнате, крупная пятнадцатилетняя девица, оказалась до странности склонна к детским забавам. Резиновый мячик мог оказаться в ее руках в самый неподходящий момент – вот сейчас например, когда все еще спят, когда в парке перекликаются первые птицы, а из приоткрытой двери в лоджию тянет холодом.

Элиза села на кровати и босой ногой нащупала тапки. Встала, содрогнувшись от холода. Подошла к стеклянной двери, ведущей в лоджию, и приоткрыла портьеру.

В своей длинной ночной сорочке пухленькая Даниэлла походила на молодую медузу, и падающие до пола кружева только усиливали это впечатление. Не обращая внимания на бледное лицо соседки, возникшее за стеклянной дверью, девушка-переросток продолжала свою забаву.

Тук, тук, тук... Даниэлла кидала мячиком в кирпичную стену лоджии – то правой рукой, то левой, то через плечо, то из-под локтя; губы ее шевелились. Она бормотала считалочку: – Я... знаю... пять... имен... девочек... Я... знаю... пять... названий... городов...

Тук-тук.

Элиза так и не нашлась, что сказать.

* * *

– Девочки, только что звонил господин попечитель! Оживление за столом. Внезапная и неподдельная радость. Госпожа Кормилица – именно так ее и называли! – подняла руку, перекрывая гул голосов: – Всем привет и пожелание здоровья. Господин попечитель прибудет через две недели! Маленькая, лет десяти девочка, сидевшая по правую руку от Элизы, выскочила из-за стола и в восторге подбросила в воздух маленький резиновый мячик.

* * *

С госпожой Кормилицей Элиза беседовала три дня назад, сразу по прибытию. Ее проводили в уютный кабинет, но Элизе почему-то не понравилось, что поверх строгого делового

костюма Кормилица носит домашний фартук с оборками. Слишком много мягких складок, слишком нелепый карман на животе...

«Добро пожаловать на Трон, девочка». Тогда же выяснилось, что директората как такового в пансионе вообще нет. Есть госпожа Кормилица, горничные и наставницы, и еще охранники на берегу. И, конечно же, господин попечитель.

«... горькое останется позади... К сожалению, господин попечитель не сможет встретить тебя лично... добрый гений нашего пансиона, его создатель, его, можно сказать, столп... как раз сейчас в отъезде... Выбрал тебя среди тысяч других детей. При встрече не забудь поблагодарить его... Тебя устроят как можно лучше – ведь это теперь твой дом...».

Горничная легко подхватила обе сумки с Элизиными вещами – как видно, для могучей женщины их тяжесть почти неощутима. Одна сумка была новая – ее купила сердобольная мать одноклассницы, собиравшая Элизу в пансион. Другую, с надорванной ручкой, когда-то купила мама. За несколько месяцев до рейса одиннадцать ноль пять.

* * *

Воспитанницы Трона испытывали, по-видимому, нездоровую страсть к резиновым мячкам. В столовой и на прогулке, и даже в учебной комнате то одна, то другая девочка рассеянно извлекала из сумки свой мяч и стучала им о пол или о стену; наставницы, к удивлению Элизы, не обращали на эти игры ни малейшего внимания. Засилье мячей раздражало. К счастью, огромная территория пансиона давала возможность побыть в одиночестве, а большая библиотека содержала столько захватывающих книг, что хватило бы надолго.

Элиза бродила вдоль берега, подбирая ракушки; она водила ладонью по жестким граням стриженных самшитовых кустов, считала деревья и меряла шагами аллеи. Особенно ей нравилось в дальнем конце парка – там, где за густыми зарослями таился обрыв. Опасный участок был заботливо огорожен; Элиза привыкла считать это место собственным владением, и даже нарисовала в тетрадке его карту – с рубежами вдоль дорожек и со столицей в чаше высохшего фонтана.

Когда ей надоело играть, она часами просиживала над каким-нибудь пиратским романом. Запах моря и шум волн уносили ее далеко-далеко, но стоило закрыть книгу, как весь романтический мир схлопывался вместе с ней.

* * *

Господин попечитель прибыл на рассвете; впервые за много дней Элиза проснулась не от стука мяча Даниэллы, а от рокота вертолета. С веранды была вида его хищная туша, опускающаяся за деревья.

В особняке поднялась суета. Заспанные воспитанницы поспешно приглаживали встрепанные волосы и завязывали распущенные шнурки. Элиза давно выяснила, что господина попечителя здесь действительно любят.

Элиза ждала, что господин попечитель явится к завтраку; вместо него появилась госпожа Кормилица, но без привычного фартука, отчего дородная женщина казалась стройнее и моложе.

– Сейчас все идем на занятия! Господин попечитель не спал две ночи, ему надо отдохнуть, он выйдет к вам вечером!

Но с первого же урока Элизу вызвала госпожа Кормилица, вывела в пустынный коридор, заглянула в глаза:

– Девочка, господин попечитель хочет познакомиться с новой воспитанницей. Иди за мной!

«Но он ведь устал и отдыхает», – хотела сказать Элиза, но промолчала.

Кормилица вела ее за руку, будто маленькую – Элизе все время хотелось высвободить ладонь, но она терпела. Она научилась вести себя так, как того ждали взрослые, именно так, как должна держаться благодарная сирота: поначалу это было трудно, иногда – противно, но в конце концов привычно.

Кормилица явно волновалась, поняв это Элиза забеспокоилась тоже.

– Ты не забыла, что должна поблагодарить его?..

Элиза кивнула.

– Господин, вот она...

Комната оказалась полутемной – только в центре ее лежал на полу одинокий солнечный луч, пробившийся, или, вернее, пропущенный сквозь плотные шторы.

– Подойди, малышка...

Кормилица мягко, но твердой рукой вывела ее в середину комнаты. Сперва Элиза увидела только руку, лежащую на широком подлокотнике – увидела и невольно вздрогнула: на руке не доставало мизинца.

Она стояла перед креслом: приличия требовали поднять глаза и посмотреть попечителю в лицо. Доверчиво и благодарно – как полагается благовоспитанной сироте.

Мягкие спортивные туфли. Светлые брюки, которые пора бы выгладить; рубашка с открытым воротом, и в разрезе его – острые ключицы. Короткая темная борода, губы под полоской усов, скулы... Лицо в тени, глаза не поймешь какого цвета. Резкий запах одеколона.

Элиза, спохватившись, поклонилась. Она совсем не таким представляла себе господина попечителя. Она думала, что он гораздо старше.

– Подойди-ка поближе.

Госпожа Кормилица шумно вздохнула где-то за спиной. Ах да...

– Господин попечитель, я...

«...благодарна, что вы сочли возможным принять меня в этот замечательный пансион...».

Так она должна была сказать. Ей и раньше приходилось говорить нечто подобное – но она запнулась.

Он смотрел так, будто хотел узнать в ней кого-то, давным-давно забытого или потерянного. Или напряженно вспоминал, где видел эту девочку раньше. Во всяком случае, слова так и остались несказанными – Элизе вдруг сделалось жарко.

Госпожа Кормилица засопела снова.

– Ну вот и славно, – тонкие губы в обрамлении усов и бородки чуть усмехнулись. – Ты хорошая девочка... Надеюсь, ты найдешь свою судьбу, когда вырастешь. А пока у меня для тебя кое-что есть...

В четырехпалой руке возник, будто по волшебству, маленький резиновый мячик.

– Возьми... Это подарок. Береги его, не потеряй!..

За окном звенели первые в этом году цикады. Элиза машинально протянула руку; ей почему-то страшно было коснуться четырехпалой ладони, и потому подарок чуть не упал на пол.

* * *

Итак, господин попечитель был богат и щедр, но и странен. Совсем не девочки повинны были в засилии на острове мячей – эту страсть насаждал сам попечитель. Возможно, он был спортсмен. Отец Элизы неплохо играл в теннис – но не ходил же с ракеткой ни в гости, ни на работу!

Второй урок она пропустила. Уединилась в парке и внимательно рассмотрела подарок.

Наполовину зеленый, наполовину красный мячик не был новым. Неизвестно кто лупил им о землю и стены – кое-где краска стерлась, из-под нее выглядывал черный резиновый бок. Тем удивительнее было, что круглое тельце оставалось упругим и твердым – мяч подпрыгивал почти на ту же высоту, с которой его уронили. Хотя, если ткнуть гвоздем...

Элиза вспомнила взгляд господина попечителя. Нет, она будет беречь этот мячик – не хочется объяснять странному четырехпалому человеку, что подарок пропал или испорчен...

После уроков к ней подошла Даниэлла.

– Покажи, – только и сказала она, но Элиза поняла, что речь идет о мячике.

Даниэлла долго вертела в руках подарок попечителя, подкидывала, взвешивала в ладони; потом вернула, и во взгляде ее Элизе померещилось уважение:

– Хороший. Зато ты вот так не можешь!

И, выхватив из сумки собственный мячик, Даниэлла закрутила его в ладонях, он исчезал и возникал в руках, словно она была опытным жонглером.

– Вот так, – Даниэлла покровительственно усмехнулась и уплыла по своим делам.

Уединившись в комнате, Элиза попыталась повторить ее фокус. Ничего не вышло – мячик укатился сквозь решетку лоджии в парк, и Элизе пришлось идти за ним вокруг особняка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.